

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ggpmmed>

Имеет ли политическая история смысл: к вопросу о превратностях эволюции государства и учения о нем

Ким Юрий Владимирович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 3970-2193

<https://orcid.org/0000-0001-7389-7670>

Yu_kim@mail.ru

Аннотация: Государство и генерируемый им общественный и правовой уклады являются невероятно сложными сферами не только для теоретического осмысления, но и для практического освоения. Многомерность феномена государства делает его объектом пристального внимания многих профилирующих обществоведческих дисциплин: и философии, и истории, и социологии, и психологии, и правоведения, и политологии. Каждое из научных направлений стремится к познанию государства с использованием тех методологических приемов и инструментов, которые присущи ему в силу специфики тех аспектов государственно-правовой действительности, которые оказываются в поле его зрения. Между тем, как показывает история учения о государстве, одной из сложнейших для теоретического разрешения была и остается проблема корректного разграничения предметной области между различными науками, объектом которых является государство. По сей день отсутствует определенность относительно состава наук, формирующих учение о государстве. В этой связи периодически инициируется вопрос о создании необходимых доктринальных и организационных предпосылок для скоординированной разработки с участием всех заинтересованных научных направлений единой науки – всеобщей теории государства или же государствоведения. Цель – составить междисциплинарный теоретико-методологический обзор, посвященный анализу особенностей генезиса, эволюции, современных тенденций и возможных перспектив развития учения о государстве. Сделан вывод, что в своем предельном воплощении идеальный политический строй, контекстуально совпадающий с идеалом совершенного государства, – это футуристическая модель *негосударства*, т. е. будущего общества, отбросившего ввиду архаичности государственную форму. В пределах истории государства невозможно исчерпывающе разрешить проблему несовершенства государства и его институтов. Эта проблема порождена противоречивой природой человека, органически связана с его судьбой и разрешается за пределами государственной истории. И это должно стать одним из фундаментальных положений учения о государстве.

Ключевые слова: государство, государственность, государственное право, конституционное право, государственная история, политика, политическая наука, политология, прогресс, смысл истории, конец государства

Цитирование: Ким Ю. В. Имеет ли политическая история смысл: к вопросу о превратностях эволюции государства и учения о нем. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 3. С. 394–409. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-3-394-409>

Поступила в редакцию 12.07.2024. Принята после рецензирования 05.08.2024. Принята в печать 05.08.2024.

full article

Does Political History Make Sense? Evolution of State and Its Studies

Yuriy V. Kim

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 3970-2193

<https://orcid.org/0000-0001-7389-7670>

Yu_kim@mail.ru

Abstract: State generates its own social and legal structures, which make up challenging research and practice areas. As a multidimensional phenomenon, State is subject to philosophy, history, sociology, psychology, law, political science, etc. Each science applies its own methods and tools to those aspects of State and Law that it focuses on. Yet, the exact subject area between the sciences that study State remains a notorious theoretical issue. The exact

spectrum of sciences that form Doctrine of State is yet to be defined. A universal Theory of State might be a solution: it is a prospective umbrella science that covers all scientific stakeholders. This article is an interdisciplinary theoretical and methodological review of genesis, evolution, trends, and prospects of Doctrine of State. According to modern publications, the ultimate political system, i.e., an ideal state, is a futuristic model of non-state nature that has discarded the state form as archaic. Political history cannot explain why the State and its institutions are imperfect and how it can be improved. This problem is generated by the contradictory nature of humanity itself: it is intertwined with human history and can be resolved only beyond the boundaries of state history. This opinion should become a fundamental provision of Doctrine of State.

Keywords: state, statehood, state law, constitutional law, state history, politics, political science, political science, progress, meaning of history, end of State

Citation: Kim Yu. V. Does Political History Make Sense? Evolution of State and Its Studies. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(3): 394–409. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-3-394-409>

Received 12 Jul 2024. Accepted after review 5 Aug 2024. Accepted for publication 5 Aug 2024.

*Метафизика истории научает нас тому, что неразрешимое
в пределах истории разрешается за пределами истории¹*

Н. А. Бердяев

Введение

Если в качестве исходной точки, от которой обществоведы традиционно отсчитывают начальный этап становления учения (науки) о государстве – *политики* – взять эпоху Платона (427–347 до н. э.) и Аристотеля (384–322 до н. э.), то ее история насчитывает уже примерно 2500 лет.

В составе современного отечественного обществознания (философия, история, социология, экономика, юриспруденция, политология, социальная психология, антропология, культурология и др.) практически невозможно выделить такую область научного знания, в которой государство не рассматривалось бы в качестве основополагающей, фундаментальной категории. Между тем государство многомерно и сущность его не может быть исчерпывающим образом и достоверно раскрыта с позиций какой-либо одной из наук. Именно поэтому не выработано универсальное, всеобъемлющее определение понятия государства. Не удивительно, что учение о государстве, стремящееся вобрать и синтетически обобщить подходы и достижения различных обществоведческих наук, представляет собой любопытный гносеологический феномен, действительный «порт приписки», который с науковедческой точки зрения так и не определен. Юриспруденция, особенно теория государства и права, а также науки публично-правового цикла (конституционное право, административное право, избирательное право, муниципальное право, процессуальное право и др.) играют важную роль в изучении сущности государства, доктринальном и правовом обеспечении его функционирования. Вместе с тем эти дисциплины раскрывают лишь отдельные, пусть исключительно важные, аспекты

политической организации человеческой коллективности – *государственности*, т. е. институциональной структуры и правового уклада государства. Не менее важное значение в постижении сущности государства, объяснении механизма его взаимодействия с обществом имеют философия (вкуче с философией права), экономика, социология (вкуче с юридической социологией), психология, антропология, история и политология.

Накоплены колоссальные научные знания о государстве и проявлениях его универсальной природы. При этом процесс познания государства и государственной власти не приостанавливается. Представители разных научных направлений в целом сходятся во мнении о том, что знания человечества о государстве все же не достаточны. И на данное обстоятельство в первую очередь обращают внимание сами правоведы. Д. А. Керимов и А. Д. Керимов утверждают, что лишь на первый взгляд может показаться, что государство исследуется общественными науками достаточно глубоко, всесторонне и даже исчерпывающе. Такое впечатление на самом деле является поверхностным и ошибочным. По мнению ученых, развитию любой науки сопутствует функционирование той или иной общей, фундаментальной отрасли, консолидирующей и генерирующей знания о соответствующих объектах (например, политическая экономия и отраслевые экономики). В учении о государстве как совокупности наук, изучающих государство, такой фундаментальной отрасли нет. Поэтому предложено восполнить этот пробел коллективными усилиями представителей общественных наук и сосредоточиться на создании единой фундаментальной науки –

¹ Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 173 с.

государствоведения (всеобщей теории государства) и разработке ее методологии [1].

Следует признать, что настоящее замечание и справедливо, и симптоматично. Справедливо в том плане, что при довольно-таки широком, причем не вполне еще определившемся перечне научных дисциплин, вовлеченных в государствоведческие исследования, тема предмета и методологии совокупного, всеобщего, универсального учения о государстве остается открытой и продолжает волновать специалистов, представляющих разные научные направления. Симптоматично в том смысле, что ситуация нескоординированного, но устойчивого научного внимания к государству и государственности, генерирующим политику и политическое, не только имеет место, но и наблюдается на всем протяжении государственной истории.

В свете излагаемого представляет интерес постановка следующего вопроса. Наблюдается ли прогресс в научном постижении сущности государства и в государственной (политической) истории вообще? В наиболее распространенном значении прогресс характеризует направленность развития, сопровождающуюся переходом от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному². Такое линейное, одномерное определение прогресса, пусть и энциклопедического толка, не всегда приложимо к динамике государственности, политической жизни и иных общественных процессов.

В общенаучном, философском плане концепция прогресса, внимание к которой активизировалось в конце XVIII в. и не угасало вплоть до конца XX в., характеризуется богатством интерпретаций. Она относится к числу одной из наиболее сложных и дискуссионных. В своем максимальном, предельном развертывании идеи об общественном прогрессе выводят на уровень рассуждений о смысле истории, сущности человеческого бытия, конце государства в религиозном, эсхатологическом, хилиастическом истолковании.

По мнению Н. А. Бердяева, идею прогресса категорически нельзя смешивать с идеей эволюции. В идее прогресса присутствует цель исторического процесса и последовательное раскрытие его смысла в соответствии с этой конечной целью. Более того, идея прогресса подразумевает такую цель исторического процесса, которая не имманентна ему, которая находится не внутри истории, а вне ее, над временем. Он считал глубоким заблуждением учения о прогрессе предположение о том, что когда-нибудь в неопределенном будущем разрешатся задачи всемирной истории человечества, что наступит такой завершающий момент в судьбе человечества, в котором оно придет к совершенному состоянию и будут сняты все противоречия, которыми полны судьбы человеческой

истории, т. е. придет к концу трагедия всемирной истории и наступит рай земной, абсолютная утопия. Если анализировать исторический процесс в контексте тех задач, которые ставились и разрешались внутри потока времени, то все они подлежат признанию сплошной неудачей. Так, не удалось Царство Божие, мыслившееся как исчерпывающее разрешение судьбы человеческой; не удалась Ренессанс и Реформация; потерпела крах французская революция; и никогда, в принципе, не удавалась в пределах истории ни одна из революций; вся история христианства предстает как «сплошная великая неудача» [2, с. 146–155].

Результаты

Правомерна ли постановка проблемы о смысле политической или же государственной истории?

Обратимся к размышлениям выдающегося английского политика и философа Эдмунда Бёрка. Э. Бёрк попытался проанализировать ход всей предшествующей политической эволюции государства и его институтов и осмыслить направленность развития государства методом противопоставления естественного общества, покоящегося на естественных стремлениях и инстинктах, политическому (искусственному) обществу с атрибутами (законами, правительством, церковью и др.), традиционно присущими государству. Диагноз оказался неутешительным. История политических обществ – это хроника бесчисленных войн с ужасающими последствиями и страданиями народов. По оценкам Э. Бёрка, численность населения Земли в его время (середина XVIII в.) составляла около 500 млн человек, а общее число жертв за наблюдаемый период в 70 раз превысило эту цифру. В довольно неприглядном свете для Э. Бёрка открылись результаты обзора политического устройства и форм правления многочисленных государств. Ни монархия, ни аристократия, ни республика не оберегают общество и человека от проявлений деспотии, тирании и влекут за собой безысходность и несправедливость. Правительства довольно часто вынуждены нарушать правила справедливости в интересах удержания власти. На самом деле то, что расценивается как государственный разум, совершается как «тайнство несправедливости»: истина уступает правдоподобию, честность – удобству, человечность – корысти правителей. Э. Бёрк задается вопросами: «Какая же эта защита права как такового, если она осуществляется путем попрания прав индивидов? Какого рода может быть справедливость, если она утверждается с помощью нарушения ее собственных законов?» [3, с. 75, 80–81].

Э. Бёрк раньше, чем российские правоведы и европейские социологи первой половины XX в. (Н. Н. Алексеев, П. И. Новгородцев, М. Вебер, М. Дюверже, М. Острогорский и др.), опередив их почти на 200 лет,

² Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1983.

обнаруживает, что все известные формы государственного правления рано или поздно перерождаются в олигархическую модель властвования [3, с. 102]. Также Э. Бёрк приходит к закономерному выводу о том, что ни законы, ни конституция не служат действенными инструментами против произвола и беззакония в политическом противоборстве. Насильственные формы межпартийной борьбы он определяет как вопиющее и «бесстыднейшее публичное проституирование» [3, с. 112]. И все это вместе взятое он именует «величайшим злом».

Главное противоречие политической действительности Э. Бёрку виделось в том, что она никогда не находится в согласии с природой, наиченнейшими естественными инстинктами человечества и разумом. Такое положение дел противоположно естественному состоянию и сохраняет себя; властители, попирая закон природы, совершают насилие над ней и накладывают ограничения на человеческий разум, не гнушаясь повсеместным применением кровопролитных и насильственных мер [3, с. 81]. Трактат Э. Бёрка с энтузиазмом был воспринят радикалами-русоистами, а некоторые исследователи считают, что радикализм руссоистского типа присущ его творчеству [3, с. 15–16].

В отличие от Ж.-Ж. Руссо, автора «Общественного договора», Э. Бёрк не делает наставлений, не выдает рекомендаций о том, как улучшить политическую систему и сделать ее более разумной и человеколюбивой. Вместе с тем с необычайной глубиной и прозорливостью вскрыты главные язвы и пороки общества и политического государства. Дана лишь оценка, выявлены тенденции и закономерности. По этим параметрам сочинение Э. Бёрка – философское, не политическое, хотя и полностью посвящено политической жизни. Напротив, трактат Ж.-Ж. Руссо – политический; он содержит программу относительно политического переустройства общества.

Между тем труд Э. Бёрка исключительно ценен и его актуальность несомненна. Идейно он близок уже упомянутому историко-философскому произведению Н. А. Бердяева «Смысл истории», и к нему нам еще предстоит вернуться. Э. Бёрк не обозначает вопроса о смысле государственной и политической истории. Трагизм ситуации, описываемой Э. Бёрком, заключается в том, что в эпоху расцвета Европейского Просвещения не усматриваются проблески прогресса в государственном развитии. Ведь если прогресса нет и не предвидится в обозримой перспективе, то история как будто лишена смысла.

Разговор о смысле истории – это, скорее, вопрос философский. Поиск ответа на него – удел философии. Выбор цели и выработка программы действий – вопрос политики. Разработка доктрины государственно-

правового строительства и совершенствования правовых инструментов – дело науки конституционного (государственного) права.

Но не все так однозначно. Как показывает история политики и учения о государстве, разграничительные линии между научными направлениями, объектом которых является государство, не всегда и не столь очевидны. Поскольку государство – не субстрат, не результат механистического сложения известных компонентов (территории, народа, власти), а целостность и органическое единство не только упомянутых, но и многих иных факторов, совокупно слагаемых в исключительно сложную, труднодостижимую и слабоуправляемую (с рациональных позиций) субстанцию – государственность.

В порядке промежуточного ответа на поставленный вопрос, вынесенный в подзаголовок настоящего фрагмента: имеет ли государственная или же политическая история смысл? Как кажется, ответ на этот вопрос мог бы иметь двойственный характер. Во-первых, политическая история содержит богатые накопления как общекультурного, так и ценностно-нормативного свойства, а также сведения об опыте их воплощения. Этот опыт, включая и озарения, развенчивающие политико-правовые мифы и фикции, непрестанно генерируемые в пространстве политического государства, не оценим. Он должен в будущем оберегать общество от повторения ошибок. Во-вторых, погружение в историю регулярно напоминает человечеству о довольно-таки прискорбном факте: народы плохо знают свою историю и потому не учатся ни на своих, ни на чужих ошибках. Сказанное касается в первую очередь политической истории и политики как науки о государстве. Между тем блестящими мыслителями прошлого ответы на многие вопросы о сущности и будущем государства, сохраняющихся в сегодняшней повестке государствоведческих исследований, уже были даны. Вряд ли там найдутся пошаговые инструкции или комплексные программные разработки, но общая направленность движения задавалась правильно.

Государствоведение и политическая наука – метафизическое родство и линии расхождения.

Классическое европейское учение о государстве Метафизика, как наука о сверхчужденных принципах и началах бытия, предшествовала философии. У Аристотеля, разработавшего свою классификацию наук, она называлась *первой философией*³. Начиная с этой эпохи и вплоть до конца XVIII в., политика как наука о государстве входила в философию. А учение Аристотеля о политике составляло основу социальной и политической философии. Современное энциклопедическое понимание политики (др.-греч. *πολιτική* –

³ Там же.

государственные или общественные дела, государственная деятельность, от πόλις – город, государство) как сферы деятельности, связанной с отношениями между классами, нациями и другими социальными группами, ядром которой является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти, возникло значительно позже⁴. Да и оно, скорее всего, нуждается в переосмыслении.

По Аристотелю, политика есть наука о властвовании. Он описывал всякое государство как своего рода общине, организуемое ради высшего блага. Целью государства он называл благую жизнь; «и все упомянутое создается ради этой цели». Община, складывающаяся по этому поводу, Аристотель и называл государством или общиной политическим⁵. В его эпоху параллельное хождение имели термины *полития* (*politeia*) – государственное устройство⁶ и *политевма* (*politeuma*) – порядок государственного управления⁷. Причем в классической древности наука о государстве не проводила строгого различения учений о государстве и о праве, тем более что для нее все вообще человеческое общежитие имело государственный характер.

Далее мы уйдем от подробного описания ранних и последующих этапов эволюции науки о государстве в Европе и России, поскольку в литературе по истории политических и правовых учений и философии права сведений об этом предостаточно. Остановимся только на знаковых вехах, которые иллюстративны и позволяют лаконично передать существо рассматриваемой проблемы.

Г. Еллинек, подступаясь к рассмотрению отдельных дисциплин, входящих в область науки о государстве, подчеркивал особую ее связь с социальными науками. В качестве описательной основы для всех них он видел историю, которая устанавливает и излагает факты в историческом движении, выясняя также их внешнюю и внутреннюю связь. Теоретической наукой о государстве Г. Еллинек считал *теоретическое государствоведение*, или *учение о государстве*, задача которого заключается в познании всех сторон бытия государства. По мнению Г. Еллинека, наука о государстве распадалась на *общее и особенное учение о государстве*. Общее учение о государстве включает два научных

направления: *общее социальное учение о государстве* и *общее учение о государственном праве*. Особенное учение о государстве содержало описание отдельных учреждений государства. Также в составе общего учения о государстве выделялась *политика* как прикладная наука о государстве. Предметом политики являлся анализ явлений государственной жизни с телеологических точек зрения. В то же время политика являлась *учением об искусстве государственной деятельности*, ориентированным на будущее [4, с. 46, 50–52].

Таким образом, в немецком государствоведении, назовем его классическим, четко обозначились три его составные части: *социальное учение о государстве*, *государственное право и политика*.

История учения о государстве от античности до конца XIX в. у Г. Еллинека и ее отношение к другим наукам (социальным, экономическим, психологии, антропологии и пр.) изложены достаточно подробно. Но в контексте сформулированного в заголовке настоящего фрагмента вопроса – о наметившихся линиях разделения государствоведения и политической науки – представляется более глубоким анализ, выполненный российским государствоведом В. М. Гессеном. Он сосредоточил свое внимание на эпохе, когда зарождалась наука государственного права Нового времени XVI–XVIII вв. и оформилась окончательно к концу XIX в. Этот процесс активизировался с возникновением нового государства на «развалинах» безгосударственного Средневековья, когда история поставила перед наукой практическую, а не теоретическую, творческую, а не познавательную задачу [5, с. 4].

В начале этого периода обозначились отчетливо два вектора государствоведческих изысканий, идейно и теоретически связанные со своими метафизическими корнями: философское учение о государстве и политика. Причем философское учение теперь подпитывалось теорией естественного права. Политика позиционировалась как эмпирическая или позитивная наука о государстве. С методологической точки зрения отличие *политики* от естественно-правовой доктрины государственного права заключалось в позитивистском характере первой и рационалистической – второй. Причем как теоретическая наука, как социальное учение о государстве *политика*, всесторонне изучая

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Полития (греч. πολιτεία), др.-греч. политич. термин. Имел ряд значений: гос. устройство того или иного полиса; права гражданства; государство как таковое; способ управления государством; текущая политика. По Аристотелю, П. – умеренная демократия, основанная на подчинении закону и ориентированная на общее благо, а не на удовлетворение интересов господствующего большинства. Термин П. в понимании Аристотеля не был воспринят последующими представителями античной политич. мысли. Да и сам Аристотель значительно чаще использовал его в более широком смысле, обозначая им любую форму полисного устройства. См.: *Большая российская энциклопедия 2004–2017*. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/3154538 (дата обращения: 04.04.2024).

⁷ Политевма – 1) термин, обозначающий в IV в. до н.э. – VI в. н.э. разные формы проявления гос-ной деятельности (власть, гражданство, партия и др.); 2) в эллинистический период (особенно в Египте) – этническое объединение лиц, находящихся вне родины и пользующихся религиозной и административной автономией. См.: *Большой юридический словарь*. URL: <https://jurisprudence.academic.ru/10039/> Политевма (дата обращения: 04.04.2024).

государство, изучает и правовую структуру государства [5, с. 4]. Таким образом, к концу XVIII в. вопросы так называемого общего государственного права – в разной мере и с разных точек зрения – изучаются тремя, еще не успевшими в достаточной степени устояться, научными направлениями: *политикой государственного права*, входящей в состав *науки политики права* вообще, т. е. доктрину естественного права; *социальным учением о государстве* и *прикладной государственной наукой* (учением о государственном искусстве), образующими в интегрированном и не дифференцированном виде *энциклопедическую науку о государстве*, именуемую *Политикой* в классическом смысле этого слова [5, с. 12–13].

В течение первой половины XIX в. наука государственного права – мы главным образом сосредоточимся на германском учении о государстве, как наиболее продуктивном в том периоде – эволюционировала следующим образом. Во-первых, из состава доктрины естественного права выделилась наука естественного государственного права. Она образовывала самостоятельную дисциплину – *Общее государственное право* (Allgemeines Staatsrecht). Во-вторых, содержание энциклопедической науки о государстве – *политики* – дифференцировалось и распалось на две самостоятельные научные дисциплины: теоретическую – *Общее учение о государстве* (Allgemeine Staatslehre) и прикладную – *Политику*, в собственном смысле этого слова (Politic).

Во второй половине XIX в. в науке общего государственного права параллельно с постепенным усилением догматического элемента происходит трансформация от политики к догме общего государственного права. Повсеместное учреждение конституций и конституционного строя становится побудительным мотивом к сравнительному изучению государственного права различных государств. На почве такого изучения появляется теория конституционного права, синтетически объединяющая государственно-правовые начала, абстрагированные от положительного конституционного права отдельных государств.

Политика, несмотря на всеобщее признание в германской литературе ее необходимости как самостоятельной научной дисциплины, как единая наука так и не оформилась. Ее понимание существенно изменилось. Политика стала трактоваться как наука о средствах к достижению государством определенных целей. Она рассматривает государство с телеологической точки зрения и потому является прикладной государственной наукой в отличие от общего учения о государстве как науки теоретической. Политика является учением о государственном искусстве (Staatskunslehre). Именно таким образом ее представлял Г. Еллинек. Но, по верному замечанию В. М. Гессена, имеющему важное методологическое значение и не замеченному по сей день приверженцами политологии, ни в том,

ни в другом качествах политика как единая наука перспективы не имела. Главная причина заключалась в глубокой дифференциации сфер общественной жизни и обособлении сообразно с их спецификой локальных государственных политик.

Относительно систематики общего учения о государстве, разработанной Г. Еллинеком, В. М. Гессен высказал следующее замечание: нет сомнений в том, что наряду с теоретической и политической дисциплинами общего государственного права, общее учение о государстве может иметь только лишь значение социальной науки о государстве. В этом качестве Общее учение о государстве выходит за пределы юридической науки вообще, поскольку такие вопросы, как *сущность государства*, его цели, о возникновении и распаде государства и т. д., по сути своей имеют метаюридический характер. Ввиду изложенного только Учение о государстве как правовом институте может выступить в качестве интегральной части Общего учения о государстве. Она в таком же статусе входит в область науки общего государственного права. Но самостоятельного значения такое введение, как часть социальной науки о государстве, не имеет и не может иметь [5, с. 17–22].

На излете рассматриваемой эпохи, т. е. к концу XIX в., судьба политической науки – и как философского учения, и как государствоведческого направления – оказалась в подвешенном состоянии. На этом фоне стали выдвигаться идеи о разработке самостоятельной политической науки – политологии, придав ей несколько иную чем раньше, обособленную от классического государствоведения, направленность.

Политическая наука (политология): генезис, предметная область и методология

В академическом Философском энциклопедическом словаре политическая наука определяется как область научного знания, изучающая политику, политические отношения, политические системы. Составителями исторической справки издания, по сей день весьма авторитетного, опубликованного еще в советскую эпоху, в 1983 г., подтверждается, что с точки зрения предмета и объема включаемых в нее знаний политическая наука эволюционировала от универсализма античной социально-политической мысли, когда политика была интегрирована всей общественной наукой и входила в философию через этап отпочкования науки о государстве и праве, когда политика, политические институты рассматривались главным образом под углом зрения юридических норм, к современному этапу, который концентрирует внимание на реальных политических процессах. Основной предмет политической науки – политическая власть, реализуемая в политических системах и в других формах политических отношений. В предметную область политической науки в соответствии с советской доктриной входили:

теория политики как философско-методологическое введение в политическую науку; теория политических систем; теория международных отношений; теория управления социально-политическими процессами; политическая идеология и история политических учений и др.⁸

Одним из первых европейских обществоведов, выдвинувших на новом витке эволюции государство-введения идеи о восстановлении политики как науки, явился Р. Челлен, шведский социолог и политолог, автор термина *геополитика*. В 1901 г. появилась его статья «Политика как наука», а в 1916 г. – основной труд «Государство как форма жизни».

Р. Челлен проводит аналогию между человеком и государством. Подобно тому как человек рассматривается с трех точек зрения: тела, или внешнего строения, души, или естественных черт характера, и духа, или разумной деятельности, т. е. своего самосознания, современное государство представляет триединство общества – его тела, т. е. внешне выраженной совокупности частных и непосредственных интересов и потребностей; нации – его души, характера народа; и специфически понятого народного духа, его разумной организации. Соответственно общая политическая наука распадается на этнографию, которая изучает нации, особенности государств; социологию; государственное право. Пытаясь сформировать субстанциональный взгляд на государство как целостность, Р. Челлен полагал, что адекватной системной категорией может явиться *геополитика*. По его мнению, европейское государствоведение, включая и шведское государствоведение, искусственно ограничивает поле своей деятельности вопросами конституционного права. Тогда как сам по себе этот термин предполагает широкое понятие государства. Естественными границами более широко представленного взгляда на государство по отношению к другим наукам, т. е. частями государствоведения, выступают: геополитика, конституционная политика и политика управления (административная политика, этнополитика, экономическая политика и социополитика [6]. Нетрудно заметить, что теоретические выкладки и суждения Р. Челлена составлены под заметным влиянием классического европейского государствоведения, в частности, общего социального учения о государстве.

То же самое можно сказать о начальном этапе творчества основоположника американской политологии Д. Берджесса, одна из первых книг которого – «Политическая наука и сравнительное конституционное право», получившая мировую известность, структурно и композиционно сопоставима с трудами ведущих германских правоведов конца XIX – начала XX вв. Д. Берджесс и не скрывал, что методологию

сравнительных конституционно-правовых исследований он применил вслед за немецкими государствоведами [7]. Судя по всему, был позаимствован также и подход к построению системы учения о государстве. Сочинение Д. Берджесса состоит из двух частей. Часть I «Политическая наука» включает три книги, озаглавленные следующим образом: «Нация», «Государство», «Формирование конституций Великобритании, США, Германии и Франции». В часть II вошли две книги: «Организация государства в рамках конституции», «Индивидуальная свобода».

Для начального этапа становления политической науки США характерным было то, что в американском обществознании, включая юриспруденцию, не сформировалась специальная область знания, системно изучающая государство – так, как в Европе и несколько позднее в России. На первых шагах она заимствовала подходы и достижения европейского государствоведения и науки конституционного права. В последующем в американской политической науке, а вслед за ней и в европейской политологии наметилось движение в сторону практической политики и политической социологии.

Обстоятельный исторический обзор политической науки США составлен видным американским политологом, специалистом в области теоретической и сравнительной политологии Г. Алмондом. Заметными вехами ее развития в США являются три периода. Первый период приходится на межвоенные десятилетия (1920–1940) и связан с чикагской школой. В программах эмпирических исследований этого времени существенное внимание уделено социопсихологическим, а также статистическим интерпретациям политики. В эти годы американская политическая наука восприняла как вызов многочисленные обличительные публикации, раскрывающие нарушения и злоупотребления внутри политической инфраструктуры, и специалисты стали посвящать серьезные монографические исследования деятельности лоббистов и групп давления (П. Одегард, П. Херринг, Э. Шаттшнайдер, О. Гарсо).

Второй период, наиболее значимый для развития политических исследований, охватывает послевоенный период и отмечен повсеместным распространением в мире бихевиоралистского подхода к политике, серьезными финансовыми вложениями в создание научных учреждений, научные исследования и подготовку специалистов. Третий период сопровождался введением логико-математических методов исследования и применением экономических моделей при подходе к исследованиям с позиций *рационального выбора* и *методологического индивидуализма*.

В Европе в первые десятилетия XX в. понятие *научного познания* политики обрело более глубокое

⁸ Философский энциклопедический словарь...

содержание. Такие выдающиеся представители европейской политической науки, как Конт, Милль, Токвиль, Маркс, Спенсер, Вебер, Дюркгейм, Парето, Михельс, Моска, Острогорский, Брайс и др., разработали основы для развития политической социологии, антропологии и психологии, благодаря чему исследование политических процессов получило осмысленный характер [8, с. 175–183].

Но политическая наука то и дело наталкивалась на непреодолимые и пока что неустраняемые проблемы методологического свойства. Как отмечает Э. Я. Баталов, выполнивший фундаментальное исследование американской политической мысли, при всем множестве публикаций, посвященных политической науке, вопрос о содержании этого понятия продолжает оставаться дискуссионным, единого, общепризнанного определения *политической науки* ни в американской, ни в мировой литературе нет. Похожим образом обстоят дела с *политической философией*. Стержень предметного ряда политической науки составляют прежде всего государство в виде институтов, отношений и механизмов власти; политическая система и ее элементы; политический (в том числе электро-ральный) процесс; политическое сознание; международная политика и международные отношения. Границы между политической наукой и политической философией просматриваются неотчетливо: имеются пересечения, разночтения, связанные, к примеру, с разным пониманием предмета философии и науки и т. п. [9, с. 29–38]

Д. Истон, политолог, президент Американской ассоциации политических наук в начале 1980-х гг. следующим образом подводил итоги предшествующего развития политической науки США, объясняя причину перехода ее от бихевиоральной к пост-бихевиоральной эпохе: «Она состоит в глубоком разочаровании политическими исследованиями и преподаванием, особенно теми из них, которые стремятся превратить изучение политики в более строгую научную дисциплину, повторяющую методологическую модель естественных наук... Однако новые условия современного мира заставляют нас переосмыслить представления о том, кем мы хотим быть... Поиск ответа на вопрос о том, как мы, политические ученые, оказались столь разочаровывающе неэффективными в своем участии в жизни мира 1960-х» [10, с. 133–152]. По прошествии более чем 30 лет Д. Истон вновь обратился к этой теме: «Если что-то и характеризует западную политологию в целом, так это отсутствие консенсуса по поводу исчерпывающего определения ее предмета» [11].

Касаясь становления и развития отечественной политической науки, можно обнаружить характерные ее тенденции в дореволюционную эпоху, присущие европейской политической мысли. Специфический характер эта эволюция имеет в постреволюционный

и постсоветский периоды. Политическая наука советской эпохи формировалась под сильнейшим идеологическим влиянием марксистско-ленинского учения, придававшего соответствующую идейно-теоретическую окраску философским, государствоведческим наукам и всему обществознанию. Особое внимание уделялось апологетике социалистического учения о государстве и обществе, ведущей роли коммунистической партии и т. д., получавшей доктринальное оформление в соответствующих научных дисциплинах, составлявших костяк советского обществознания: исторический материализм, научный коммунизм, история КПСС, политэкономика (капитализма, социализма), общая теория государства и права, государственное право, советское право и др.

После распада Советского Союза в Россию хлынул поток американской политологической литературы. В обстановке идейно-теоретического кризиса советской политической науки *новая* российская политология интенсивно осваивала подходы и методы западной политологии, что не могло не придавать отечественным разработкам эклектического характера, подчас препарирующим процессы, не свойственные отечественной политической системе [9, с. 8–9]. Нужно отметить, что в отличие от России в Америке, как заметил Э. Я. Баталов, не в ходу термин *политология*. Более употребительна *political science* – политическая наука. По этой причине никто из американских специалистов не именуется *политологом*. К примеру, университетский профессор называется *political scientist* (специалист в области политический науки) и объяснит, что он либо преподает *political science*, либо проводит исследования в сфере *political science* [9, с. 10].

Подчеркнем, что пресловутый эклектизм, приписываемый отечественной политологии, отчетливо просматривается и сегодня, в частности, при сопоставлении паспортов научных специальностей, уточненных в связи с пересмотром их номенклатуры в соответствии с приказом Минобрнауки России № 118 от 24.02.2021. Речь идет не просто о тесном соприкосновении, но и о пересечении направлений исследований, представленных в группе научных специальностей 5.5. Политология с такими группами, как 5.1. Право; 5.2. Экономика, 5.3. Психология; 5.4. Социология; 5.6. Исторические науки.

Не удивительно, что в кругу отечественных политологов, так же как и у западных представителей политической науки, является распространенным суждение о несформированности к настоящему моменту общепринятой дефиниции политической науки. Исследователи по-прежнему расходятся между собой в оценке предметных границ и содержания политологии, состава охватываемых ею проблем, критериев обособления ее в самостоятельную научную дисциплину [12, с. 12–14].

К изложенному добавим упоминание об одном иллюстративном сюжете, касающемся статуса российской политической науки. Президент Владимир Путин на встрече с победителями конкурса «Лидеры России», услышав от одной из конкурсанток, что она собирается защищать кандидатскую диссертацию в области политических наук, удивился: «В области политологии? Есть такая наука – политология?». Услышав утвердительный ответ, он со смехом парировал: «Спорный вопрос». И далее он продолжил: «Я так понимаю, всегда так считалось, что, чтобы какая-то сфера знаний претендовала на то, чтобы называться наукой, у нее должен быть собственный предмет исследования и собственный метод исследования. В политологии как-то трудно найти присущий только ей метод исследования»⁹. Надо ли сомневаться в том, что приведенная реплика должна была вызвать огорчение в среде политологов. Тем более что в их кругу высказываются самокритичные утверждения типа: «отечественная политология является падчерницей нынешней власти – ее только терпят, но не поддерживают» [13, с. 491].

Нельзя при этом утверждать, что в юриспруденции все обстоит гладко. Большинство современных правоведов сходятся во мнении, что ведущей наукой, составляющей теоретико-методологический базис учения о государстве (государствоведения), является теория (общая теория) государства. Между тем, как и прежде, нет единства в трактовке предмета науки, в связи с чем констатируется, что неразрешенность вопроса предмета теории государства и права является одной из актуальных проблем российской юридической науки [14; 15]. Убедительным подтверждением отмеченному является впечатляющий разброс подходов к его определению, представленный в авторитетных учебных пособиях по этой дисциплине. В качестве предмета теории государства и права рассматривается разнородный и потенциально неограниченный класс событий и явлений, так или иначе имеющих отношение к государственно-правовой действительности: от наиболее общих закономерностей возникновения, развития и функционирования государства и права [16, с. 8–13; 17, с. 13; 18, с. 17–21] до общецивилизационных, общеправовых и прочих мыслимых аспектов государственного и конституционного строительства [22, с. 9–13; 23, с. 29–31]. Отдельные авторы считают, что теория государства и права на самом деле является не наукой, а комплексной учебной дисциплиной [24, с. 79–80].

Акцентируем внимание на следующем примечательном обстоятельстве, составляющем одну из знаковых вех в эволюции отечественного учения о государстве и до некоторой степени проливающим свет на суть теоретико-методологических расхождений относительно подходов к исследованию природы государства. В 1919 г. вышли в свет два сочинения выдающихся русских государствоведов: «Общее учение о праве и государстве» И. А. Ильина и «Очерки по общей теории государства» Н. Н. Алексеева.

По И. А. Ильину, в учении о праве и государстве на передний план выходит *законоведение* (в современной интерпретации – правоведение или же теория права и государства) – наука *несамостоятельная и общая*, имеющая *пропедевтический характер*. Законоведение имеет собственный предмет, поскольку сосредоточивает основные сведения о праве как совокупности правил (норм), по которым обустраивается общественная и государственная жизнь людей. Но оно само не исследует предмета и использует данные других наук о праве. При этом оно имеет общий характер, т. к. оперирует выводами ведущих юридических наук, обобщая их и концентрируя внимание на том, что значимо для любого юриста, и пропуская то, что имеет более специальный характер [25, с. 218].

Н. Н. Алексеев предполагал, что должна присутствовать родовая сущность или идея государства, которая обладает своим, довольно богатым содержанием. Оно не было вскрыто потому, что не сделалось самостоятельным предметом исследования. Раскрытие общей родовой природы государства приведет, возможно, к нахождению целого ряда общих истин и аксиом, которые составят содержание общей теории государства или философской науки о нем. Н. Н. Алексеев очень часто использует термин *государствоведение*. По его мнению, общая теория государства должна стать первичной и основной. Основное ее призвание изучать не гносеологические, а онтологические аспекты. Эта наука могла бы быть названа *учением об идее государства или философией государства*, или *феноменологией государства* [26, с. 24–26].

В то же время у философии права (и государства) обнаруживаются похожие в целом затруднения. Как и в случаях с политологией и теорией государства и права, проблемными моментами для диагностики статуса философии права являются ее дисциплинарная привязка и предметная определенность. Ни по одной из названных позиций удовлетворительного решения нет [27]. Философия права, наряду с социологией права, может рассматриваться в составе общей теории права [23, с. 42; 28] либо в качестве самостоятельной дисциплины [29–32].

⁹ Путин усомнился, что политологию можно отнести к наукам. *РБК*. 07.07.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/07/2022/62c709d79a79476ce598ffbf?ysclid=lumvwli8jc621435241> (дата обращения: 05.04.2024).

По мнению А. И. Селиванова, попытки создать на протяжении более чем двух столетий *философию права* как некое универсальное и всеобщее учение, построенное на каких бы то ни было основаниях (антропологического материализма, объективного или субъективного идеализма, экзистенциализма или позитивизма), и в Европе, и в России оказались безуспешными. Он предлагает приступить к разработке российской философии государства и права – концепции, увязывающей в целостный комплекс метафизические, антропологические и материалистические, гносеологические, аксиологические, социально-философские, духовно-культурные и иные основания российской цивилизации [27].

С. С. Алексеев и В. С. Нерсесянц, каждый по-своему выстраивая систему аргументации, в целом сходятся в необходимости рассматривать проблематику философии права в двух науковедческих плоскостях. С одной стороны, она в качестве исконно-философской дисциплины рассматривает право (и государство) под углом зрения универсальной философской системы, или системы историко-философских разработок. С другой стороны, эта дисциплина представлена в виде интегрированной философско-правовой области знаний, когда на основе задаваемых философских идей ведется научная обработка правового материала. Именно в таком качестве философия права по своему содержанию относится к области юридических наук [33, с. 394–396]. Тем не менее в этом движении с разных сторон к философии права и юриспруденции, и философия, постигая истину о праве и государстве, выходят за границы своих базовых сфер и на собственной инструментальной основе осваивают новые предметные области. При этом в философской литературе проблематика философско-правового характера освещается преимущественно в историко-философском плане. Больше внимание философско-правовой проблематике уделяется юридической наукой. Философия права, традиционно разрабатывавшаяся в рамках общей теории права и государства в качестве ее составной части, постепенно обретает статус самостоятельной общенаучной юридической дисциплины метатеоретического и междисциплинарного плана [32, с. 11–16].

Таким образом, расхождения между различными научными направлениями, некогда приведшие к дифференциации наук, объектом которых является государство, генерируются внутри самой юриспруденции и, прежде всего, юридическом государствоведении – в теории государства и права и дисциплинах публично-правового цикла (конституционном праве, административном праве и др.). Очевидно, что эти линии расхождения воспроизводятся и в философии, и политологии. Эта тема могла бы стать предметом самостоятельного научного исследования.

Политическая наука vs наука о политике

Обращает на себя внимание характерная семантическая накладка, обнаруживаемая в терминах *политическая наука* и *наука о политике* (или же *политология*). Она возникла в результате подмены смыслового содержания классической категории политика. Как можно было вывести из предшествующего изложения, политика – это и есть наука. Вопрос в том, что входит в предметную область этой науки.

Ситуация с отсутствием достаточной определенности своего предмета и метода проблематична, как выясилось, не только для политологии. И для государствоведения, и для политической науки центральными темами остаются государство и политическая власть. Причем границы *политического* остаются по-прежнему зыбкими и неосязаемыми. Политическая наука пыталась обозначить контуры политического. Г. Алмонд утверждал: «Предмет политики составляют решения, а политическая наука – это изучение таких решений» [34, с. 17]. К разряду политических относятся исключительно *публичные* и *властные* решения, затрагивающие интересы известной общности. Иными словами, для политики характерно проявление власти в публичной сфере в интересах балансировки и гармонизации конкурирующих (конфликтующих) интересов.

Но вопрос в том, что изложенные соображения не привносят большей определенности в понимание предмета политической науки. Скорее, все происходит наоборот. На самом деле отчетливой смысловой нагрузки в таком представлении содержания политического и политической власти нет. Ибо политическая власть – это власть государственная. Шире понятия государственной власти – власть публичная, включая проявления властеотношений таких публичных корпораций, как общественные объединения и политические партии, внутренний иерархизм которых ошибочно диагностируется как элемент политической власти.

Государственная (политическая) власть – явление с высокой степенью объективации – в виде правовых институтов, в силу чего ее носители (субъекты) могут быть безошибочно идентифицированы и классифицированы инструментами юриспруденции. Невозможно в современных условиях охарактеризовать сущность государственной власти и методов ее осуществления, контроля в отрыве от правовой формы. И субъекты, и ресурсы, и технологии выработки, принятия, реализации и контроля политических решений подвержены всеохватной нормативно-правовой регламентации. Без описания легальных (легитимных) форм и процедур отправления властных функций невозможно надлежащим образом объяснить сущность и признаки государственной власти, также раскрыть политико-правовой состав (содержание) властеотношений. Во всех прочих случаях, когда затрагивается публичный интерес и его осуществление требует задействования

властного ресурса, – это негосударственная публичная власть (например, органа местного самоуправления, органа национально-культурной автономии), не действующая в политическом формате.

Обозначенное вовсе не есть попытка обезличить или же обеспредметить науку политики. Она в чем-то важна и необходима. Она могла бы оказать неопределимую пользу государствоведческим исследованиям в тех областях, которые однозначно не входят в предмет науки конституционного права, например, во вскрытии и объяснении процессов и событий, происходящих «за фасадом» конституции. Но открытым в таком случае остается вопрос, не является ли это предметным полем философии (политической философии) или же социологии (политической социологии). Объективности ради следует заметить, что политология оказалась более продуктивной в исследовании многих государственно-правовых явлений, которые выпали из поля зрения правоведов (федеративные отношения, регионализм и региональная политика, лоббизм, регулирование геополитических процессов, эффективность государственного управления и т. д.).

Проблема разграничения предметных областей юридического государствоведения и политической науки требует результативного разрешения и в той связи, что нескоординированное развитие исследований и в той, и в другой областях приводят к неоправданному продуцированию параллельных категорий и понятий – возникают понятийно-категориальные «завалы». Это усугубляется научным синкретизмом, который поразил все ветви государствоведения. Как пример, параллельное хождение имеют такие категории: государственность – политическая система; государственная власть – политическая власть; механизм государства – политическая система; государственное управление – политический процесс; политический режим – государственный режим; типология государства – классификация политических систем и т. д. Нет сомнений в том, что термины *политический процесс* и *конституционный процесс* могут быть также отнесены к рассмотренному вербальному классу, семантический анализ которых способен увести в гегелевскую «дурную бесконечность», т. е. в движение по замкнутому кругу без перспективы разрешения однотипного, регулярно воспроизводимого состава проблем в соприкасающихся научных направлениях. Можно с завидным упорством соотносить и раскладывать политические и конституционно-правовые аспекты в законодательном, избирательном процессах и даже в конституционном судопроизводстве и добиться некоторых успехов на этом поприще. Вопрос: кому это нужно и что это даст для теории и практики? Ни для кого не секрет, причем давно, что и законодательный, и избирательный процессы можно назвать

сублимированными формами политического процесса, в рамках которого происходит политический торг.

С учетом изложенного парадоксальными и сюрреалистичными с семантической и доктринальной точек зрения представляются новые инициативы по интеграции юридического государствоведения с политологией и введение в научный оборот таких категорий, как *политология права*, *политология прав человека*, *юридическая политология* и др. [35–38].

Заключение

Если вывести за условные рамки рассуждения Н. А. Бердяева о религиозно-метафизических предпосылках истории и судьбы человека как дитя Божьего, то это не обесценит основную идею выдающегося русского философа о том, что в основе мирового процесса и исторического процесса – первородная свобода добра и зла, которой наделен человек. Она есть источник трагизма судьбы человека и человечества и действительная причина истории [2, с. 60–61]. Характером человека предопределена его способность распорядиться этой свободой. Хотя на окончательный выбор в пользу добра или зла могут повлиять и внешние факторы, в том числе институционально-правовые. Платон был фундаментально прав, когда утверждал: *Государства таковы, каковы люди; государства производятся из человеческих характеров*.

Между тем преобладающей тенденцией в государствоведческих и политических исследованиях, будь то конституционализм, демократизм, федерализм и пр., выступает акцентуация на институциональной стороне преобразовательной деятельности. Потом выясняется, что институты не являются панацеей. Человеческое поведение вносит существенные коррективы в функционирование политико-правовых институтов. Ни конституции, ни форма правления, ни демократия нигде и никогда не являются достаточными средствами, гарантирующими сбалансированное и гармоничное функционирование государства и развития общества. Ни одному из названных политических начал, в силу их относительности и зыбкости, не следует придавать исключительное значение. Они могут быть с легкостью перереформатированы (преобразованы, приспособлены, легально интерпретированы) в соответствии с текущей повесткой политической жизни. Примечательно, что представленная в очень обобщенном виде подборка совпадающих по смыслу суждений высказана выдающимися мыслителями, представляющими совершенно разные направления государствоведческой и политической мысли [39, с. 434; 40, с. 202; 41, с. 471; 42, с. 484–485; 43, с. 123–146; 44, с. 60].

Вот почему основные реформаторские усилия должны быть сосредоточены на преобразовании духовного мира человека, его правосознания. Факторы,

влияющие определяющим образом на человеческое (политическое) поведение, имеют не только экономическое содержание. Они обусловлены существенными внутренними психологическими мотивами личности экзистенциального свойства, которые Ф. Фукуяма, отталкиваясь от Гегеля, интерпретирует как «жажду признания». Эта сторона человеческой личности неизменно, а именно с древнейших времен, находилась в поле зрения политической философии. У Платона она трактовалась как *тимос* или *духовность*, у Маккиавелли – *стремление человека к славе*, у Гоббса – *гордость или тщеславие*, у Дж. Мэддисона – *честолюбие*; у Ницше человек – *зверь, имеющий красные щеки* и т. д. [45, с. 255–257]. Жажда признания или же тимос, побуждающие человека к постоянной оценке собственной ценности, проявляют себя противоречиво и имеют конфликтную природу. Человек может притязать на то, чтобы люди оценивали его как равного другим (изотимия). Но вероятнее всего преобладает желание быть признанным высшим по отношению к другим (мегалотимия). Ф. Фукуяма изотимию и мегалотимию рассматривает как два проявления жажды признания, безусловно полагая, что мегалотимия для политической жизни – страсть более чем проблематическая, могущая служить источником зла и бед. Традиционно социальным воплощением мегалотимии является аристократия и тирания [45, с. 281–295].

Между тем мотивы, побуждающие конкретных людей заниматься политикой, стремиться к государственной власти, скрыты. В целом же их недобродетельная и небескорыстная подоснова, за редким исключением, очевидна. Политики действуют прежде всего в личных или же узкогрупповых интересах. Государственная власть – самый эффективный инструмент влияния на характер распределения общественных ресурсов и благ. Политика нацелена на контроль государственной власти. Все действия и события как легальные, так и иллегальные, сопровождающие механизм контроля за государственной властью, обеспечения политического господства и целей политики, составляют содержание политического процесса. Доминирующей линией является олигархизм и элитарность, обслуживанию интересов которой подчинены также и демократические институты (выборы, парламентаризм, законодательный процесс и т. д.). В этих условиях сама по себе избирательная система никогда и нигде не выполняла функцию отбора лучших представителей народа и положительной селекции государственных деятелей. На самом деле выборы повсеместно и во все времена предстают в качестве осуществляемого на профессиональной основе процесса *возгонки* политической элиты и легитимации олигархической модели государственного правления. И эта сущностная сторона государственно-правовой действительности была в свое время раскрыта

и надлежаще освещена в классической литературе [46, с. 479–480; 47, с. 655–660; 48, с. 162; 49; 50, с. 119].

Думается, что фундаментальные причины кризиса правосознания (в Европе и России), симптомы которого были замечены в начале XX в. русскими правоведом И. А. Ильиным, П. И. Новгородцевым и др. [26, с. 540–541; 51; 52; 53, с. 28], чуть позднее применительно к Западу охарактеризованные Г. Берманом как «кризис западной традиции права» [54, с. 13, 53–54], к настоящему времени приобрели планетарный масштаб и коренятся именно в политической природе государства. На заикленность исторического процесса, сопровождающего эволюцию государства в глобальном масштабе, впервые обратил внимание Э. Бёрк. В последующем и по сей день совокупное учение о государстве, также продвигаясь по замкнутому кругу, лишь подтверждает сомнения, некогда высказанные им: «При рассмотрении политических обществ, их происхождения, устройства, их последствий, временами казалось мне более чем сомнительным, что Творец вообще предназначил человека для счастливой жизни. Он смешал в своей чаше множество природных зол..., и от начала мира до сего дня всякое усилие человечества смягчить их, или излечиться от них с помощью хитроумных уловок и политических средств, приводило лишь к возникновению новых или усугублению старых» [3, с. 53].

К отмеченному выше можно добавить, что сегодня ярко выражены очевидные признаки всеобщей деградации не только политических систем (и, как следствие – геополитической ситуации и международного правопорядка), но и этических устоев цивилизации в целом. Вряд ли сказанному нужны подтверждение и дополнительная аргументация.

В учении о прогрессе есть очень важный момент, частично затронутый в самом начале нашего изложения. Он касается прогнозируемых ожиданий относительно того, каким образом должна разрешиться история, в том числе история государства [55, с. 176–184]. Ведь у любой истории должен быть финал.

С точки зрения диалектики государство как форма политической самоорганизации человеческой коллективности исторически ограничено. Другое дело, что никто не скажет – ни философы, ни правоведы, ни политологи, ни футурологи – хотя бы приблизительно, сколько ему осталось [56; 57]. Вместе с тем многими авторами предпринимались попытки нащупать осязаемые пределы, достижение которых знаменовало бы выход государства на конечную траекторию эволюции, а некоторыми из них даже объявлено о конце государства. Не будем останавливаться на тех умозаключениях, которые основаны на приемах прогнозирования будущего человечества, скопированные футурологами у исторической науки и эсхатологии. Хотя на примерно такой же логике основан тезис

об «отмирании» государства в работе Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», в последующем получивший развитие в известной работе В. И. Ленина «Государство и революция». Согласно марксистской теории государство при социализме (коммунизме), приобретая общенародный характер, перестает быть инструментом классового господства. С развитием общества надобность в его вмешательстве в общественные отношения отпадает, и государство постепенно отмирает [57].

Тезис о Конце Государства употребляется в фигуральном значении, характеризующем вхождение государственности в некоторую финальную фазу развития в пределах того исторического горизонта, который ей уготован. А преодоление его предполагает диалектическое снятие государства как политической формы социума. Похожий риторический прием нередко используется в историко-философских исследованиях, посвященных поиску смысла и конца истории.

Так, Ф. Фукуяма подхватил выдвинутую Гегелем идею о конце истории, знаменующую установление свободных обществ в реальном мире и начинающуюся с победы Наполеона Бонапарта в сражении при Иене между французскими и прусскими войсками 14 октября 1806 г. Речь вовсе не шла о прекращении потока событий. По Гегелю, человечество в своем прогрессивном развитии достигнет некоего высшего, предельного уровня разума и свободы, абсолютного самосознания. Поэтому именно либеральное государство виделось в качестве предельного воплощения его идеи человеческой свободы. Отсюда следует вывод Ф. Фукуямы о существовании некоей универсальной истории, ведущей в направлении либеральной демократии – конечной цели развития государства [58].

Более реалистическая оценка исторической судьбы или же миссии государства была дана отечественными мыслителями. Как полагал Н. А. Бердяев, в идее государства изначально не было слащавого оптимизма, мечты о земном рае и блаженстве. Он писал о том, что грешное человечество не может жить вне государства, вне онтологических основ власти, вне закона. Отмена этих основ была бы равносильна возвращению к звериному состоянию; «государство есть соединяющая, упорядочивающая и организующая онтологическая сила, преломленная во тьме и грехе» [41, с. 529]; присутствие в природе государства

суровости и принудительной силы есть необходимая реакция на зло; это не значит, что всякое государственное насилие и принуждение хорошо, ибо оно само по себе может быть источником зла. Изложенное мнение практически полностью совпадает со взглядами Н. Н. Алексеева. Государство, как и все, принадлежащее к человеческому миру, является феноменом смешанным, промежуточным, срединным. От земного государства неотъемлемо насилие и принуждение. С этой точки зрения государство есть учреждение, могущее возникнуть только в том мире, который испорчен в своем существе, в котором зло приобрело характер субстанциональный. Утопичной, призрачной и невыполнимой оказывается стремление довести до абсолюта государственные установления. Институты государства могут быть улучшены, к этому необходимо стремиться, но этот процесс никогда не будет доведен до конечной стадии, не приведет к полному совершенству [48, с. 577–582].

Идея о совершенном общественном укладе, опирающемся на разум и высокую духовность человечества, наверное, миф. Однако иной ориентир развития цивилизации не задан. Таким образом, в своем предельном воплощении идеальный политический строй, контекстуально совпадающий с идеалом совершенного государства – это футуристическая модель *негосударства*, т. е. будущего общества, отбросившего ввиду архаичности государственную форму. Здесь трудно не согласиться с Н. А. Бердяевым в том, что судьба человеческая неразрешима в пределах истории [2, с. 161]. Равно как в пределах истории государства невозможно исчерпывающее разрешить проблему несовершенства государства и его институтов. Истина заключается в том – и это должно стать одним из фундаментальных положений учения о государстве – что эта проблема порождена противоречивой природой человека, органически связана с его судьбой и разрешается за пределами государственной истории.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Керимов Д. А., Керимов А. Д. О государствоведении и его методологии. *Политика и общество*. 2011. № 11. С. 74–79. [Kerimov D. A., Kerimov A. D. State studies and methodology. *Politics and Society*, 2011, (11): 74–79. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pzuudv>
2. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 170 с. [Berdyayev N. A. *The meaning of history*. Moscow: Mysl, 1990, 170. (In Russ.)]

3. Бёрк Э. Правление, политика и общество. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 478 с. [Berk E. *Government, politics, and society*. Moscow: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole, 2001, 478. (In Russ.)]
4. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 752 с. [Ellinek G. *General Doctrine of State*. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2004, 752. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rygvyl>
5. Гессен В. М. Общее учение о государстве. СПб.: Касса взаимопомощи студентов С.-Петербур. политехн. ин-та имп. Петра Великого, 1912. 190 с. [Gessen V. M. *The general doctrine of the State*. St. Petersburg: Kassa vzaimopomoshchi studentov S.-Peterb. politekhn. in-ta imp. Petra Velikogo, 1912, 190. (In Russ.)]
6. Челлен Р. О политической науке, ее соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства (Предисловие М. В. Ильина). *Полис. Политические исследования*. 2005. № 2. С. 115–126. [Chellen R. Political science, its relation to other research areas, and political space studies (Foreword by M. V. Ilyin). *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2005, (2): 115–126. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17976/jpps/2005.02.11>
7. Burgess J. W. *Political science and comparative constitutional law*. Boston; London: Ginn and Company, 1913, 378.
8. Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины. *Полис. Политические исследования*. 1997. № 6. С. 174–183. [Almond G. Political science: History of the discipline. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 1997, (6): 174–183. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/escoхv>
9. Баталов Э. Я. Американская политическая мысль XX века. М.: Прогресс, 2014. 621 с. [Batalov E. Ya. *American political thought of the XX century*. Moscow: Progress, 2014, 621. (In Russ.)]
10. Easton D. Political science in the united states: Past and present. *Revue internationale de science politique*, 1985, 6(1): 133–152.
11. Истон Д. Новая революция в политической науке. *Judgment Journal*. 2015. Т. 1. № 1. [Easton D. A new revolution in political science. *Judgment Journal*, 2015, 1(1). (In Russ.)] URL: www.academia.edu/21597932 (дата обращения: 05.04.2024).
12. Гаджиев К. С. Политология. М.: Логос, 2001. 488 с. [Gadzhiev K. S. *Political Science*. Moscow: Logos, 2001, 488. (In Russ.)]
13. Гуторов В. А. Политика: наука, философия, образование. СПб.: СПбГУ, 2011. 516 с. [Gutorov V. A. *Politics: Science, philosophy, and education*. St. Petersburg: SPbSU, 2011, 516. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tsieaz>
14. Кожевников В. В. О предмете общей теории государства и права. *Современное право*. 2012. № 6. С. 11–13. [Kozhevnikov V. V. About of the object of the theory state and law. *Sovremennoe pravo*, 2012, (6): 11–13. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/palhul>
15. Кожевников В. В. Общая теория государства и права: в защиту базовой методологической юридической науки. *Вестник Омского университета. Серия: Право*. 2018. № 4. С. 72–79. [Kozhevnikov V. V. General theory of state and law: In defense of basic methodological legal science. *Herald of Omsk University Series "Law"*, 2018, (4): 72–79. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25513/1990-5173.2018.4.72-79>
16. Теория государства и права, ред. С. С. Алексеев. М.: Норма, 2005. 495 с. [*Theory of State and Law*, ed. Alekseev S. S. Moscow: Norma, 2005, 495. (In Russ.)]
17. Венгеров А. Б. Теория государства и права. 3-е изд., испр. и доп. М.: Омега-Л, 2006. 608 с. [Vengerov A. B. *Theory of State and Law*. 3rd ed. Moscow: Omega-L, 2006, 608. (In Russ.)]
18. Проблемы общей теории права и государства, ред. В. С. Нерсисянц. М.: Норма, 2004. 832 с. [*Issues of General Theory of Law and State*, ed. Nersesiants V. S. Moscow: Norma, 2004, 832. (In Russ.)]
19. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. 5-е изд. М.: Дело, 2020. 528 с. [Matuzov N. I., Malko A. V. *Theory of State and Law*. 5th ed. Moscow: Delo, 2020, 528. (In Russ.)]
20. Перевалов В. Д. Теория государства и права. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 341 с. [Perevalov V. D. *Theory of State and Law*. 5th ed. Moscow: Iurait, 2024, 341. (In Russ.)]
21. Сырых В. М. Теория государства и права. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2012. 704 с. [Syrykh V. M. *Theory of State and Law*. 6th ed. Moscow: Iustitsinform, 2012, 704. (In Russ.)]
22. Марченко М. Н. Теория государства и права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 636 с. [Marchenko M. N. *Theory of State and Law*. 2nd ed. Moscow: Prospekt, 2009, 636. (In Russ.)]
23. Пиголкин А. С., Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Теория государства и права. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 516 с. [Pigolkin A. S., Golovistikova A. N., Dmitriev Yu. A. *Theory of State and Law*. 4th ed. Moscow: Iurait, 2019, 516. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ldvuml>
24. Протасов В. Н. О «специальной» теории государства и права. *Журнал российского права*. 2005. № 8. С. 77–85. [Protasov V. N. Special Theory of State and Law. *Journal of Russian Law*, 2005, (8): 77–85. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/opctхv>

25. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве. In: Ильин И. А. *Теория права и государства*. 2-е изд., доп. М.: Зерцало, 2008. 550 с. [Ilyin I. A. *General Doctrine of Law and State*. In: Ilyin I. A. *Theory of State and Law*. 2nd ed. Moscow: Zertsalo, 2008, 550. (In Russ.)]
26. Алексеев Н. Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. М.: Зерцало-М, 2008. 216 с. [Alekseev N. N. *Essays on General Theory of State. The main prerequisites and hypotheses of state science*. Moscow: Zertsalo-M, 2008, 216. (In Russ.)]
27. Селиванов А. И. Введение в российскую философию государства и права. *История государства и права*. 2010. № 17. С. 8–15. [Selivanov A. I. Introduction to Russian Philosophy of State and Law. *History of State and Law*, 2010, (17): 8–15. (In Russ.)]
28. Керимов Д. А. Методологические функции философии права. *Государство и право*. 1995. № 9. С. 15–22. [Kerimov D. A. Methodological functions of the Philosophy of Law. *State and Law*, 1995, (9): 15–22. (In Russ.)]
29. Шершеневич Г. Ф. Философия права: Часть теоретическая. Общая теория права. М., 1912. Т. 1. С. 699–805. [Shershenevich G. F. *Philosophy of Law: Theory. General Theory of Law*. Moscow, 1912, vol. 1, 699–805 (In Russ.)]
30. Нургалеев Ш. Х., Лихачев Г. Д. Философия права в системе юридических наук. *Юридическое образование и наука*. 2006. № 1. С. 27–29. [Nurgaleev Sh. Kh., Likhachev G. D. Philosophy of Law in the system of law sciences. *Juridical Education and Science*, 2006, (1): 27–29. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kueeor>
31. Лихачев Г. Д. Концептуальная структура философии права. *История государства и права*. 2007. № 14. С. 4–5. [Likhachev G. D. Conceptual structure of Philosophy of Law. *History of State and Law*, 2007, (14): 4–5. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jxdlmb>
32. Нерсесянц В. С. Философия права. М.: Норма, 2005. 656 с. [Nersesyants V. S. *Philosophy of Law*. Moscow: Norma, 2005, 656. (In Russ.)]
33. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с. [Alekseev S. S. *Law: Basics, theory, and philosophy: A complex study*. Moscow: Statut, 1999, 712. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rmlyff>
34. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. М.: Аспект Пресс, 2002. 535 с. [Almond G., Powell G., Strom K., Dalton R. *Comparative Politics Today*. Moscow: Aspekt Press, 2002, 535. (In Russ.)]
35. Кузьмин И. А. Политология права в системе юридических исследований (постановка проблемы). *Право и политика*. 2021. № 4. С. 25–35. [Kuzmin I. A. Political science of law within the system of legal research (articulation of the problem). *Law and politics*, 2021, (4): 25–35. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2021.4.35547>
36. Мизулин М. Ю. Политология права: исходные основания и принципы. *Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия*, ред. А. Ю. Сунгуров. М.: РОССПЭН, 2008. С. 246–258. [Mizulin M. Yu. Political Science of Law: Basics and principles. *Public space, civil society, and government: Development and interaction*, ed. Sungurov A. Yu. Moscow: ROSSPEN, 2008, 246–258. (In Russ.)]
37. Смирнов В. В. Политология прав человека и политические права в России. *Полис. Политические исследования*. 2010. № 6. С. 106–115. [Smirnov V. V. Political science of human rights and political rights in Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2010, (6): 106–115. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mvpcz>
38. Сунгуров А. Ю., Семикова А. Е. Юридическая политология или политология права: эскиз исследовательского поля. *Общественные науки и современность*. 2017. № 5. С. 83–93. [Sungurov A. Yu., Semikova A. E. Legal political science or political science of law: The outline of research field. *Social sciences and contemporary world*, 2017, (5): 83–93. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zfmkwp>
39. Бердяев Н. А. Философия неравенства. In: Бердяев Н. А. *Философия свободы*. М.: АСТ, 2007. С. 449–699. [Berdyayev N. A. Philosophy of inequality. In: Berdyayev N. A. *Philosophy of Freedom*. Moscow: AST, 2007, 449–699. (In Russ.)]
40. Чичерин Б. Н. Политический вопрос в России. *Русские мыслители о национально-государственном развитии России (1861–1940 гг.): Россия накануне двадцатого столетия: Государственная наука и политика России в творческом наследии Б. Н. Чичерина*, ред. А. Е. Савинкин. М.: ГА ВС, 1992. С. 195–229. [Chicherin B. N. Political issue in Russia. *Russian philosophers on the national and state development of Russia (1861–1940): Russia on the eve of the XX century: State Science and Politics of Russia in B. N. Chicherin's Creative Heritage*, ed. Savinkin A. E. Moscow: GA VS, 1992, 195–229. (In Russ.)]
41. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006. 642 с. [Hayek F. *Law, legislation and liberty: A new statement of the liberal principles of justice and political economy*. Moscow: IRISEN, 2006, 642. (In Russ.)]
42. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1998. 666 с. [Spengler O. *Decline of Europe. Essays on morphology of world history*. Moscow: Mysl, 1998, 666. (In Russ.)]

43. McIlwain C. H. *Constitutionalism. Ancient and Modern*. Ithaca; NY: Cornell University Press, 1947, 162.
44. Ротбард М. К новой свободе: Либертарианский манифест. М.: Новое изд-во, 2009. 396 с. [Rothbard M. *For a new liberty: The libertarian manifesto*. Moscow: Novoe izd-vo, 2009, 396. (In Russ.)]
45. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2007. 588 с. [Fukuyama F. *The end of history and the last man*. Moscow: AST, 2007, 588. (In Russ.)]
46. Алексеев Н. Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи. In: Алексеев Н. Н. *Русский народ и государство*. М.: Аграф, 2003. С. 386–625. [Alekseev N. N. Current Science of State and its immediate tasks. In: Alekseev N. N. *The Russian people and the State*. Moscow: Agraf, 2003, 386–625. (In Russ.)]
47. Вебер М. Политика как призвание и профессия. In: Вебер М. *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. С. 644–707. [Weber M. Politics as a vocation and profession. In: Weber M. *Selected works*. Moscow: Progress, 1990, 644–707. (In Russ.)]
48. Дюверже М. Политические партии. М.: Акад. проект, 2000. 538 с. [Duverger M. *Political parties*. Moscow: Akad. proekt, 2000, 538. (In Russ.)]
49. Ильин И. А. Предпосылки творческой демократии. In: Ильин И. А. *Почему мы верим в Россию*. М.: Эксмо, 2006. С. 5–10. [Ilyin I. A. Prerequisites for creative democracy. In: Ilyin I. A. *Why we believe in Russia*. Moscow: Eksmo, 2006, 5–10. (In Russ.)]
50. Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. 539 с. [Schumpeter J. A. *Capitalism, socialism and democracy*. Moscow: Ekonomika, 1995, 539. (In Russ.)]
51. Ильин И. А. О сущности правосознания. In: Ильин И. А. *Теория права и государства*. 2-е изд., доп. М.: Зерцало, 2008. С. 310–550. [Ilyin I. A. Essence of legal awareness. In: Ilyin I. A. *Theory of State and Law*. Moscow: Zertsalo, 2008, 310–550 (In Russ.)]
52. Ильин И. А. Проблема современного правосознания: публичная речь, произнесенная на открытии Русского научного института в Берлине 17 февраля 1923 г. Берлин: Пресс, 1923. 32 с. [Ilyin I. A. *The problem of modern legal consciousness: A public speech delivered at the opening of the Russian Scientific Institute in Berlin on February 17, 1923*. Berlin: Press, 1923, 32. (In Russ.)]
53. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб.: Лань, 2000. 347 с. [Novgorodtsev P. I. *Introduction to Philosophy of Law. Crisis of modern legal awareness*. St. Petersburg: Lan, 2000, 347. (In Russ.)]
54. Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: МГУ, 1998. 624 с. [Berman G. *The Western tradition of law: The era of formation*. 2nd ed. Moscow: MSU, 1998, 624. (In Russ.)]
55. Кондратьева М. К. Идея прогресса в контексте современного дискурса. *Идеи и идеалы*. 2021. Т. 3. № 3-1. С. 176–187. [Kondratyeva M. K. The idea of progress in the context of modern discourse. *Ideas and ideals*, 2021, 3(3-1): 176–187. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-176-187>
56. Умнова-Конюхова И. А. Конституционная футурология и конституционная футуристика в контексте глобальных перемен. *Государство и право*. 2021. № 5. С. 81–93. [Umnova-Konyukhova I. A. Constitutional futurology and constitutional futurism in the context of global changes. *State and Law*, 2021, (5): 81–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S102694520014855-1>
57. Умнова-Конюхова И. А. Генерология и футурология права: тенденции и прогноз развития. М.: РАН, ИНИОН, 2023. 161 с. [Umnova-Konyukhova I. A. *Generology and futurology of law: Trends and forecasts*. Moscow: RAS, INION, 2023, 161. (In Russ.)]
58. Ленин В. И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. М.: Мысль, 1977. 249 с. [Lenin V. I. *State and Revolution: Marxist Doctrine of State and Tasks of Proletariat in Revolution*. Moscow: Mysl, 1977, 249. (In Russ.)]